

Наталья Полянская

Три цвета счастья



История
С КОШКОЙ



Наталия Полянская

Три цвета счастья

Серия «История с кошкой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51832012

*Три цвета счастья:
ISBN 978-5-04-106855-4*

Аннотация

У Марьяны и трехцветной кошки Фельки обычная жизнь с кучей проблем: мама тяжело больна, брат вляпался в темную историю, денег едва хватает на всех.

Очень кстати давний знакомый предлагает Марьяне хорошо заработать, присматривая за его квартирой. Девушка, конечно, соглашается – деньги нужны. Да и парень уж очень привлекательный! Иван Райковский – первая и, возможно, единственная любовь Марьяны.

Пока Фелька очаровывает всех жителей новой квартиры, а Марьяна обустраивает быт Райковских, Иван, озабоченный положением девушки, пытается разобраться, как получилось, что хрупкая Марьяна осталась в своей семье за старшую? Может, ее родственники что-то скрывают? А может, тайна от Марьяны есть у него самого?..

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	47
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Наталия Полянская

Три цвета счастья

*Моей свекрови,
которая никогда не сдаётся*

© Полянская Н., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть первая

Черный

Глава 1

Это всё автобус. Он должен был прийти – и не пришел. Почему так? Почему так происходит, когда тебе очень нужен именно этот автобус, в двадцать тридцать две, и ходит он раз в полчаса? Как можно даже опаздывать на минутку, не говоря уж о полном пропадании в неизвестной вселенной, если ты ходишь раз в полчаса?

На остановке былолюдно, то и дело подсакивали деловитые маршрутки, выплевывавшие людей и жадно заглатывавшие новых. Подкатило несколько автобусов, но всё не те. Марьяна не могла стоять на месте – ходила туда-сюда, оставливалась, вглядывалась в поток транспорта до рези в глазах, пока наконец не углядела свой номер. Уже не пропавший автобус, следующий. Почти тридцать минут потеряно.

Конечно, Марьяна написала эсэмэску (мама не любит, когда звонят после шести – громкая трель телефона ее нервирует, а тихий сигнал она не слышит), однако всё равно чувствовала себя виноватой. Абсурдно, ведь она – не водитель автобуса, она не отвечает за расписание транспорта. Чувство

вины рождалось где-то под ребрами и тихонько жгло там, и Марьяна боялась, что однажды прожжет пальто.

Хотя... оно ведь старое, и дыра уже есть – в кармане. Никкак руки не доходят зашить.

В автобусе повезло: удалось сесть, да не просто, а к окну, откуда тебя не выковыряют без усилий. Ноги гудели, и Марьяна вытянула их, как смогла, отвернулась от набившихся в салон людей и стала смотреть в окно. Стекло немного запотело, пришлось провести по нему рукавом. Открылся город, наполненный спешащими домой людьми, машинами, намертво застрявшими в пробке на поворот, и бледными неуверенными фонарями. Асфальт блестел после недавнего дождя, и прилипшие к бордюрам кленовые листья казались сморщенными и жалкими, как трясущиеся руки старухи.

Ехать было минут пятнадцать. Марьяна задремала в духоте и едва не пропустила свою остановку, но вовремя встрепенулась и протиснулась к выходу. Теперь супермаркет на углу (где, конечно же, очередь), и побыть у мамы, и потом – домой. А дома – спать, спать, спать... Завтра суббота и – о, счастье! – не Марьянино дежурство.

Подъезд был ярко освещен, в крохотной будочке консьерж разогревал чайник и пахло пирожками.

– Добрый вечер, Станислав Георгиевич!

– Добрый, Марьяна Михайловна!

В старом доме, где когда-то давали квартиры за особые заслуги, жильцы друг друга знали. Конечно, приезжали и

новые – кто-то продавал квартиру, кто-то умирал, и дети с внуками сдавали жилплощадь, но основной состав оставался прежним. Как и консьерж, вот уже двадцать лет охранявший вход, словно добродушный цербер с усталыми глазами.

Лифт застрял где-то на верхних этажах, и на третий Марьяна поднялась пешком. Отличная физическая нагрузка – пару раз в неделю по лестнице с тяжелыми сумками. Марьяна как-то предложила маме заказывать доставку продуктов на дом, но Лия Николаевна с возмущением отказалась. Она была подозрительна и неохотно пускала в квартиру даже сантехника, которого знала давным-давно. А уж курьер из непонятного интернет-магазина!..

Марьяна открыла дверь своим ключом, вошла, прислушалась и улыбнулась. Из гостиной доносились звяканье ложек, тихий шорох и голоса.

– Вот не права ты, Арина. Ничего хорошего не получится из этого.

– Почему же не получится, Лиечка? Надо просто все обдумать, обсудить, а там уж дальше пойдет как по маслу.

– Рискованно очень...

– Так ведь без риска и не бывает выигрыша.

Марьяна хлопнула дверью, и голоса в гостиной умолкли. Затем мама спросила:

– Это ты, Марьяна?

– Я, мам, кто же еще...

Оттащив пакеты на кухню (позже можно будет разобрать),

Марьяна зашла в гостиную. Тут всё было обычно и привычно: круглый стол посреди комнаты, утопающие в полумраке советские шкафы, уютная лампа под зеленым абажуром, освещающая лежавшие на скатерти карты. Рядом притулилось блюдечко с баранками и сухарями с изюмом, стояли две тонкостенные фарфоровые чашечки, а также заварочный чайник под специальным стеганым колпачком. За окном, полузакрытым тюлевыми занавесками, – сентябрьский вечер, почти ночь.

– Здравствуй, Марьяна, – кивнула ей лучшая мамина подруга.

– Привет, тетя Арина. Что у вас за сложности? Расклад не сходится?

– Да вот, выбрали новый, но ему надо серьезные вопросы задавать, и тогда ответы будут серьезные.

– Как сегодня себя чувствуешь? – Марьяна чмокнула маму в щеку и уселась на свободный стул, разглядывая расклад карт Таро. Сложный был расклад, заковыристый, с ответвлением, тянущимся к чайнику в колпачке.

– Да нормально, всё хорошо, – привычно отмахнулась мама. – Ты продукты принесла?

– Да, всё по списку. Молоко только не «Дарьинское», а «Бодрая корова».

– «Дарьинское», конечно, лучше... но ладно. – Мама взялась за чашку и отпила глоток. Марьяна смотрела, как чуть подрагивает изящная рука. – Положишь в холодильник? А

мы пока расклад закончим.

– Хорошо, – кивнула Марьяна, поднимаясь. И правда, нечего засиживаться. Разложить продукты, пробежаться по комнатам с тряпкой – стереть пыль, сегодня больше ни на что сил не хватит, – и ехать домой. Народу в метро уже поменьше, можно спать или читать...

Пока Марьяна шуршала пакетами на кухне, знакомой до последнего уголка, мама и Арина в комнате негромко переговаривались. Опять насчет расклада у них мысли не сошлись. Вот, казалось бы, сколько лет, а всё то же самое!

Арина Петровна Шавкута была маминой закадычной подругой, Марьяна даже сказала бы – заклойтой. Иногда они шумно ссорились, категорически не сходясь во мнениях, а так как каждая полагала себя экспертом во всех вопросах в мире, споры бывали жаркими и насыщенными. Однажды Арина Петровна во время спора так стукнула кулаком по столу, что бублики рассыпались и сдвинули с места карты, и мама сказала, что это не к добру, и точно: наавтра лопнула лампочка на этаже, Арина Петровна споткнулась в темноте и набила шишку на коленке. Всё из-за бубликов.

Познакомились подруги давным-давно, когда мама еще гастролировала, а Арина Петровна оказалась врачом, к которому она однажды пришла на осмотр с легкой простудой. Там они поругались (мама пыталась объяснить Арине, как нужно лечить пациентку, а Шавкута полагала, что и сама знает), потом помирились, потом выяснилось, что живут они в

соседних подъездах... С тех пор Арина Петровна начала заглядывать на огонек. Жила она одна, в анамнезе имелся развод с мужем, не выдержавшим медицинского темпа жизни, и семья Ковалевых оказалась отдушиной. Пока был жив отец, Арина Петровна приходила раз или два в неделю, а потом уже – почти каждый вечер, если была свободна.

Марьяна не знала, как справилась бы сейчас, если бы не она...

Под негромкие голоса из гостиной («Нет, Арина, эту не сюда, а вот сюда!») Марьяна разложила продукты в холодильник, высыпала круглобокую картошку в специально предназначенный для нее ящик, перемыла посуду в раковине и вытерла кухонный стол. Потом осмотрелась и решила, что до воскресенья квартира без уборки переживет. А это открывало невиданные возможности: можно прямо сейчас уже ехать и лечь спать до двенадцати!

– Марьяна, хотела поговорить с тобой, – сказала мама, когда девушка снова заглянула в гостиную. – Проверила сегодня обувь, и зимние сапоги... В общем, чинить их уже бесполезно. Нужно будет новые покупать.

– Вот черт. – На сапоги Марьяна не рассчитывала. – Точно не продержатся?

– Они каши просят. – Мама едва заметно поджала губы. – Ты же знаешь, что мне нельзя простужаться.

– Да, конечно.

– Кожаные надо покупать, и непременно прошитые, а не

проклеенные, – авторитетно заявила Арина Петровна. – Тогда и протекать не будут, и носиться не один год.

– Так ведь кожаные стоят тысячи три, не меньше! Скорее, даже пять!

– Так ведь, Лиечка, с твоим здоровьем выбирать-то не приходится! Придет зима, и что делать будешь? Из дому не выйти!

– Мне, может, из дому выходить и не надо. Марьяна чаще приезжать будет, продукты привезет, а что еще нужно?

– А как же? В Манеже в декабре выставка открывается, куда ты пойти хотела. В тапках пойдешь?

– Ну, проживу без выставки.

– А в поликлинику?

Марьяна решила, что пора положить конец этому бесполезному спору.

– Мам, сапоги мы купим. Съездим на следующей неделе в торговый центр и купим. Или сделаю заказ в «Модном местечке», они привозят на дом все выбранные модели с примеркой. Очень удобно! Меряешь, покупаешь, что подошло, а остальное отдаешь курьеру.

– Курьеру? Нет, зачем курьеры...

– Я могу приехать и с ним общаться, – предложила Марьяна.

– Тогда сразу и осенние, и зимние надо посмотреть, – заявила Арина.

Марьяна молча кивнула.

– Я поеду. Дома еще дела, и кошку кормить надо.

Мама вздохнула, как всегда при упоминании Фельки.

– Отдала бы ты ее. Дома почти не бываешь, зачем тебе...

– Бываю. – Продолжать этот разговор Марьяна не видела смысла. – В воскресенье загляну.

– Ты всё, что нужно, оставила? – Мама в упор посмотрела на нее, и Марьяна вдруг снова почувствовала себя маленькой девочкой – как будто сумасшедший ученый направил на нее луч изобретенного им прибора и мгновенно низвел до уровня ковра.

– Да. В ящике, как обычно.

– Хорошо, – кивнула мама. – Иди.

И потянулась за картой.

В метро и правда народу поубавилось. Даже вечер пятницы, обычно богатый на гуляющую публику, не преподнес неприятных сюрпризов. Марьяна села в углу вагона, рядом со старичком и его клетчатой сумкой, и прикинула, чего больше хочется – спать, читать или думать.

Думать не хотелось, но было нужно.

Сапоги. На сапоги, тем более две пары, она и вправду не рассчитывала. В прошлом году Марьяна точно так же предлагала маме заказать доставку или сходить в торговый центр, но мама уверяла, что там бешеная накрутка цен, а на рынке всё то же самое. Пошли на рынок, купили сапоги – и что? Результат закономерен. Марьяна догадывалась, что так будет, и

притом обманывала себя надеждой, что в этот раз мама окажется права. Мама оказалась не права, но признавать это не станет, да и толку от ее признаний? Сапоги они из воздуха не материализуют.

Значит, надо срочно заказывать доставку, пока мама не уперлась и снова не устремилась на рынок. Прямо на воскресенье, благо, все магазины теперь чуть ли не круглосуточно работают. Как говорил папа: жарь карася, пока свеж!

Осенние сапоги – это минимум четыре тысячи, потому что уже сезон наступил, а зимние – минимум семь, потому что сезон скоро наступит. Даже если по минимуму считать, выходит одиннадцать тысяч. Почти половина Марьяниной зарплаты в кафе. Заначка, конечно, есть, но... Она на крайний случай. А сапоги – крайний случай или нет?

Марьяна задумчиво посмотрела на свои ноги в черных ботах. В народе такие называются «говнодавы» и, несмотря на прозвище, служат владельцам верой и правдой много лет. Марьяна свои купила давным-давно, когда однажды ездила с экскурсией в Германию. Стоили они, по немецким меркам, копейки, а не разваливались уже который год. Даже признаков разложения не подавали. Но мама такие носить не станет.

По всему выходит, в заначку придется залезть. Значит, завтра надо не спать до полудня, а встать пораньше и поискать, где бы еще в субботу подзаработать. Вот и ладно, вот и с планами определились.

Глава 2

Район встретил Марьяну тишиной, разбавленной шелестом берез. Несколько лет назад повезло купить квартиру в строящемся доме, и, хотя хватило только на крохотную однушку, всё равно это было свое жильё. Район Марьяна выбирала «где подешевле», а в итоге не прогадала. Сейчас близко подтянули метро, к которому бегала бодрая маршрутка, — или же можно было прогуляться пешком двадцать минут.

Дом, в котором Марьяна жила, был всего лишь трехэтажным, неуловимо напоминавшим английский таунхаус. Квартал обнесли забором, создав иллюзию приватности, распределили парковочные места, и квартиры резко подскочили в цене. Однако прижившиеся тут первые покупатели не спешили расставаться с недвижимостью, хотя желающих находился вагон и маленькая тележка.

Рядом вырос высотный микрорайон без всякого забора, где с парковкой было туго, зато всё отлично с инфраструктурой. Хочешь купить мешок цемента, батон хлеба или бутылочку сухого красного? Пожалуйста, вот тебе все магазины, а вот и детский сад в подъезде, а вот и школа за углом. На углу на всякий случай поставили церковь, звон колоколов которой доносился до Марьяниного дома по воскресеньям. Словом, всё в наличии: и материальное, и духовное.

Марьяна влюбилась в свой районный мирок и не проме-

няла бы его ни на что. Хотя в свое время ей пришлось выдержать настоящую битву с мамой, категорически не желавшей, чтобы дочь от нее съезжала. И ещё та история... Нет, сейчас не стоит об этом вспоминать. Как бы там ни было, Марьяна съехала. Завела пушистый коврик у кровати и растение алоэ, неприхотливое, толстенькое и самодовольное.

А потом и Фелька появилась.

Марьяна отперла дверь и тут же включила свет. Кошка сидела на тумбочке у входа, недовольно шурясь, и при виде хозяйки мяукнула.

– И тебе привет, – согласилась Марьяна. – Сейчас руки помою и буду тебя гладить, договорились?

Фелька всем своим видом показала: договорились. Ритуал она знала прекрасно.

Марьяна быстро переоделась, вымыла руки и подхватила кошку. Фелька тут же заурчала, ткнувшись носом хозяйке в волосы.

– Ну, как тут было? Ты же за старшую оставалась. Какие происшествия за день?

«Наглый воробей прилетал, – сообщила Фелька мурчанием. – Сидел на подоконнике и чирикал, думал, я его ловить буду. А я на провокации не поддаюсь».

– Молодец, – похвалила Марьяна. – А еще что?

«Дети соседские на лестничной площадке кричали. Я слушала, чтобы нашу дверь не тронули».

– Они не тронут, они приличные.

«Я спала. Мне снился сон про то, как ты приходишь и меня кормишь».

– Сон у тебя – вещий, – сказала Марьяна и посадила кошку на кухонный стул. – Сейчас будем ужинать. Я голодная, как тигрица.

Квартира – всего-то тридцать пять квадратных метров – состояла из крохотной кухни, куда благодаря ловкости рук вместили плиту, посудомойку, холодильник и небольшой стол, вытянутой комнаты с широченным окном и ванной с туалетом. Обычно в такие маленькие квартиры устанавливали душевые кабины, но Марьяна настояла: ей нужна именно ванна – и никак иначе! Очень уж девушке нравилось валяться в горячей воде, забрасывать в нее купленные в «Лаше» специальные шарики, выпускавшие смешные пузырьки и вкусно пахнувшие. А Фелька любила сидеть на бортике и иногда трогала воду лапкой – проверяла, чтобы Марьяна не сварилась.

В старой квартире на Водном, где жила мама, всё было заставлено мебелью. С детства Марьяне казалось, что этой мебели слишком много и что шкафы набиты барахлом, от которого можно избавиться. Вещи надвигались отовсюду, от их объемного присутствия Марьяне делалось душно – насколько именно, она осознала, уже съехав. Но мама существовала по принципу «вдруг пригодится», частенько свойственному представителям старшего поколения. Все, что еще потенциально годилось в использование, не выбрасывалось. Когда

Марьяна переезжала, мама попробовала отдать ей «на хранение» часть барахла, однако пространство собственной квартиры удалось отстоять. И сейчас Марьяна, придя домой, начинала отдыхать сразу – всё тут было сделано под нее, а значит, помогало.

Стены, оклеенные светлыми обоями с еле заметным цветочным рисунком. Большой книжный шкаф, где собраны любимые томики – несмотря на наличие электронной читалки, Марьяна обожала бумажные книги и иногда радовалась покупкой новинок. В последнее время, конечно, нет, а вот раньше... В коридоре отгородили место и устроили там небольшую кладовку с полками и стиральной машиной, а также бельевой шкаф. Марьянина одежда и обувь хранились в небольшом шкафчике в углу. На стенах – несколько ее любимых фотографий в рамках. Раскладной диван (слава «Икее»!). Фелькина лежанка. Вот, в общем-то, и всё.

От барахла Марьяна избавлялась нещадно, боясь, что оно погребет ее и задушит. В квартире царил идеальный порядок, да и что там убирать-то, эти тридцать пять метров... Даже Фелька, существо изначально игривое, прониклась Марьяниними идеалами, об обои и диван когти не точила, ну а шерсть... В доме, где живет кот, шерсть – это приправа.

Фельке Марьяна выдала вечернюю порцию мягкого корма, а себе сварила пару сосисок и спагетти – быстрый и вкусный ужин. И недорогой. Если приходится считать каждый рубль, цена пачки сосисок и упаковки макарон имеет значе-

ние. Когда-то Марьяна надеялась, что уж к тридцати-то годам достигнет приемлемого уровня дохода, сможет себе позволить не смотреть на цены в магазинах мучительным взглядом человека, подсчитывающего общую сумму покупки... Тридцать ей исполнилось два месяца назад. Ну... Не всем мечтам суждено сбыться.

Толку-то думать о том, что не получилось. Сосиски вкусные, соус отличный. Надо решать задачи, которые есть сейчас.

– Ладно, Фелька, – сказала Марьяна, устраиваясь за компьютером, – посмотрим, что мы можем сделать.

Мамины сапоги, грядущая осень, когда на всех нападает очередной мутировавший вирус, непредвиденные расходы – все это означает, что надо найти еще одну подработку. Марьяна благодарила высшие силы, кем бы они ни были, за то, что живет в Москве. Тут всегда найдется работа, надо только поискать. И для экспертов, и для топ-менеджеров, и для таких серых мышей, как она сама. А может, не одна работа, а несколько. Лучше несколько. Так надежнее.

Конечно, иногда хочется спать, отдыхать и встречаться с друзьями, но... Обстоятельства сильнее.

Марьяна давным-давно была зарегистрирована на двух сайтах, периодически приносивших ей доход: «Сделай. ру» и «Воркспейс». На первом заказчики просили помощи в разных делах, как простых, так и сложных. Кому-то нужно было отвезти документы на другой конец города, а по времени не

получалось никак, кому-то – срочно убрать квартиру перед приездом тещи, а кому-то купить коробку конфет и доставить до двери. За все эти услуги люди готовы были платить деньги, и, если успеть ухватить несколько заказов, можно заработать неплохую сумму за день. На втором сайте – «Воркспейсе» – помощь требовалась в основном виртуальная. Написать отзыв или комментарий в социальной сети, помочь привлечь подписчиков, отредактировать статью, расшифровать аудио и перевести его в текст... Последние задания Марьяна выполняла часто, так как обладала отменной памятью и хорошо воспринимала информацию на слух. Она уже заработала себе неплохой рейтинг и надеялась, что и сейчас что-нибудь интересное подвернется.

Так и есть. Вот интервью на расшифровку, а вот задание на завтра – с утра пораньше забрать из торгового центра пакет с одеждой и привезти по указанному адресу. Марьяна сделала вид, что засучивает рукава, и нажала кнопку «принять в работу».

Антон позвонил, когда Марьяна, распрощавшись с клиентом, неторопливо шла по улице к метро. На субботу больше никакой работы ногами не наклюнулось, но и полученные четыреста рублей грели душу и кошелек. А дома, может, удастся снова выловить что-то во Всемирной сети, закинув туда удочку.

Марьяна не торопилась. Сентябрьский день выдался про-

хладным, зато солнечным; золотая осень уже потихоньку подкрадывалась к Москве, и клены пламенели огненными верхушками, трогали прохожих первыми желтыми листьями. Скоро и октябрь, а там уже и Новый год на подходе. Пока же – высокие облака на голубом небе, просохший под солнечными лучами асфальт и хорошее настроение.

Марьяна раздумывала, не расщедриться ли и не купить ли стаканчик кофе за сто рублей, чтобы сделать утро окончательно идеальным, когда в сумочке зазвонил телефон.

– Привет, – сказал Антон похоронным тоном, и Марьяна вздохнула.

– Привет.

– Ты где? На работе?

– Нет, у меня выходной сегодня. Я завтра дежурю.

– Удачно! – оживился Антон. – А территориально ты где? Дома?

– На Щукинской.

– Давай на Пушкинской встретимся через полчаса? Поговорить надо.

Марьяна снова вздохнула.

– Ну давай.

Кофе расхотелось. Она знала, о чем пойдет речь, знала и не очень желала слушать. Но от реальности не сбежишь, а Антон – ее реальность. От братьев не отрекаются.

На Пушкинской по поводу хорошего дня былолюдно, однако Антона Марьяна отыскала без труда. Брат стоял, при-

слонившись спиной к колонне, и слушал музыку в наушниках. Вид у Антона был отсутствующий, и он дернулся, когда сестра тронула его за плечо. Выглядело это, наверное, странно: высокий молодой человек подскакивает, когда к нему прикасается хрупкая девушка.

– Спасибо, что приехала. Пойдем посидим где-нибудь?

– У меня не на что, – отказалась Марьяна.

– У меня есть пятьсот рублей. На кофе хватит.

– А может...

Антон скривился.

– Слушай, в нынешней ситуации пятьсот рублей – как слоноу дробина. Давай хоть кофе попьем по-человечески.

Брат был младший, любимый и, как и многие младшие, немного безалаберный. «Немного – это ты, Марьянка, смягчаешь, – бывало, говорила ей лучшая подруга Лена. – Бездельник он у тебя. Бездельник и шалопай». Марьяна соглашалась: конечно, бездельник, конечно, шалопай. Но свой.

Из грохочущего нутра метро они поднялись на поверхность. Солнце ласково облизало щеки и смущенно спряталось за облако, полупрозрачное, кисейное. Мимо спешили веселые парочки, и Марьяна засмотрелась на одну: девушка в полосатых гольфах и парень с дредами. Экзотические птички, выживающие в холодном климате. Как-то вы будете зимой?..

Антон привел сестру в небольшое кафе, где столики стояли далеко друг от друга и почти никого не было. Марьяна

ожидала заоблачных цен, однако оказалось, что всё не так плохо. И свою чашку кофе она заполучила.

Они с Антоном устроились в углу, за кадкой с вечнозеленым (потому что пластиковое) растением. Марьяна отхлебнула кофе, почувствовав вкус пенки на губах, и сказала:

– Рассказывай.

– Да что рассказывать. – Брат смотрел не на Марьяну, а на стол, будто что-то важное было вышито кривыми стежками на клетчатой скатерти. – Всё то же самое, Марьяш. И чем дальше, тем хуже.

– В каком смысле?

– В таком, что они денег требуют, – зло сказал Антон, и Марьяна хотела ему напомнить, что она ни в чем не виновата, и незачем на нее срываться, однако промолчала. Прекрасно понимала: Антон не на нее злится, на себя. – И чем дальше, тем чаще. Я говорю, что отдаю, сколько могу, но они... они говорят, что надо быстрее.

– Антон, ты им объясни, что мы максимально...

– Да всё я объяснял! – заорал он шепотом, и Марьяна вздрогнула: глаза у брата были бешеные. – Объяснял им тысячу раз! А они говорят: в следующий раз сто тысяч не принесешь – посмотрим, как твоя Катька орет. Причем не потому, что оргазм получает!

Марьяну передернуло.

– Антон...

– Это цитата была, если непонятно, – зло продолжил

брат. – Остальное я тебе цитировать не стану, пожалею твои уши. В общем, дело плохо, Марьянка. Надо деньги где-то доставать.

Кофе утратил всякий вкус и казался теперь жижей, зачерпнутой из лужи.

– Кредит мне не дадут. Я уже пробовала.

– А мне тем более. Марьян... – Антон заглянул ей в глаза, и она поняла, что сейчас будет. – Может, все-таки квартиру, а? Разом бы отдали.

– Нет.

– У мамы можешь пожить... Я тебе верну потом, снова купишь...

– Нет.

– Брата тебе не жалко? – Антон засопел. – И Катьку. Я же ее люблю.

– Катька, конечно, девушка симпатичная, – согласилась Марьяна. – Но сегодня у тебя она, а завтра, допустим, Светка. Или Ритка. А квартира у меня одна. И это не я в неприятности влезла, Антон. Я тебе помогаю, чем могу. Так что – нет, и не проси. К тому же мама... Ты ведь знаешь, сколько ей денег требуется. Лечение обходится очень дорого. И если я когда-нибудь решусь продать квартиру, то деньги в первую очередь пойдут для мамы. Ты сам должен это понимать. Ты же ей тоже приносишь...

– Да... – Антон с силой потер ладонями лицо. – Извини. А насчет мамы... Да сколько я там приношу. Процентов десять

того, что нужно, остальное – ты...

Он ссутулился, сразу сделавшись будто меньше ростом. Марьяне было его жалко до слез. Разговор повторялся не раз и не два, только вот теперь Антон говорит, что ситуация стала хуже. Блин...

– Послушай. – Марьяна взяла брата за руку. – Если хочешь поскорее с этим долгом расплатиться, ищи еще работу.

– Да меня не берут нигде! Потому что без образования! А учиться сейчас долго и не на что. Даже если на бюджет пройду, знаешь, сколько сессии стоят? Всем преподавателям на лапу нужно давать. Это несколько лет – учиться, карьеру строить... Они меня раньше пристукнут.

– Я не об этом. Подработку ищи, как и я.

– Да где ее найдешь...

– Я тебе показывала – где. Много чем можно заняться.

– Тебе легко говорить. Тебя в антикафе взяли, и ты умеешь как-то... ну, крутиться. А я музыку писать умею, только она не нужна никому. Продюсеру тоже нужно дать на лапу, чтобы он крутил меня.

– С продюсерами мы завязали.

– Да, конечно... Марьян, а может, у кого-то занять можно, а? Ну вдруг?

– Я миллионеров не знаю. А ты?

– Знал бы, занял бы.

– Почему *эти* тебя прижали? Что-то случилось?

– Говорят, проценты накопили. Ну и... Червонцу деньги

на что-то нужны. Вот он и трясет должников.

– Ох, Антон... – Марьяна покачала головой. – Ну как ты во всё это влип, а?

– Ты прекрасно знаешь, как. Я просто хотел заниматься тем, что я люблю.

– В общем, так, – подвела черту Марьяна. – Оба ищем работу, где платят больше. И если тебе что-то для меня подвернется, звони. Как-нибудь выкрутимся.

– Мне бы твой оптимизм, – буркнул брат.

Глава 3

В детстве у Марьяны был синий мяч, который она обожала.

Мяч был небольшой, блестящий и тугой, как арбуз. На боку его был отпечатан желтый кот с хитрыми глазами и усами врасстырку. Кот как бы косился на всех: а что это вы тут делаете? Пришли со мной поиграть? Давайте поиграем, я на всё готов!

Несколько лет Марьяна выходила во двор играть именно с этим мячом. Хулиганов у них в округе не водилось, и все дети знали, что это Марьянин мяч, и пару раз, когда она его забывала во дворе, приносили ей домой. Желтый кот путешествовал с ней по сказочным странам и участвовал в дивных приключениях. Марьяна думала, так будет всегда. Она вырастет, поедет в Америку (почему-то именно туда ей очень хотелось попасть) и возьмет с собой желтого кота. «Посмотри, – скажет ему Марьяна, – вот горы! А вот ковбои! А вот индейцы! Давай поиграем с ними!» И кот будет счастлив.

Ей было восемь лет, а Антошке – три, когда он толком разглядел мяч. Сначала долго ревел, выпрашивая его у Марьяны, а когда та отказалась навеки подарить свою любимую игрушку младшему брату, разозлился. Утащил отвертку, которой папа привинчивал зеркало к стене, и изо всех сил ударил по мячу. Попал желтому коту прямо в хвост.

Марьяна закричала. Ей казалось, что желтый кот тоже вопит от боли, а хозяйка не может ему ничем помочь. На вопли прибежали родители, папа быстро оценил ситуацию, отобрал у Антона отвертку, пока сын не заехал ею себе в глаз, и взял пострадавший мяч. Пообещал Марьяне, что дыру заклеит.

– Будет как новенький.

– Но ведь не в этом дело, – произнесла мама, наблюдая за детьми будто сверху. – Марьяна, разве тебе сложно поделиться с братом игрушкой?

– Пусть берет мою любую игрушку, – всхлипывала девочка. – Хоть кукол всех, хоть паровоз. Но мяч – мой!

– Это эгоистично, Марьяна. Ты должна хотя бы дать Антону поиграть.

– Это МОЙ мяч!

– Поэтому ты поделишься с младшим братом. – Голос мамы сделался железным, и Марьяна съежилась. – Иначе мяча в доме не будет. Совсем.

Марьяна пришла в ужас. Свои угрозы мама исполняла всегда, поэтому дальше не стоило упираться.

– Хорошо... Пусть он поиграет им завтра...

– Вот и замечательно, – кивнула мама. Отец не вмешивался: он искал в коробке клей, чтобы залатать дырку.

Мяч был починен, на следующий день торжественно вынесен во двор. Антон бегал с ним туда-сюда, прижимая к груди, за ним гонялись другие малолетки. Марьяна наблюдала за братом, а мама – за Марьяной. Лия Николаевна вышла

проследить, что дочь исполнит свое обещание.

А потом Антон изо всех сил швырнул синий мяч в сторону проезжей части. Машины носились туда-сюда, и мячик успел лишь пару раз подпрыгнуть, прежде чем оказался под колесом. Громкий хлопок, ключья... Теперь уже ничто не подлежало восстановлению.

Антон испугался и заревел. Марьяна молча стояла на месте, опустив руки.

— Ну... так бывает, — сказала Лия Николаевна и прижала к себе плачущего сына. — Не расстраивайся, Антоша. Это всего лишь игрушка.

— Это был *мой* мяч, — прошептала Марьяна.

— Ты, похоже, действительно эгоистка, — покачала головой мама. — Посмотри, как расстроился Антон. Он же маленький. Он ни в чем не виноват.

Марьяна развернулась и молча пошла домой. Она не хотела смотреть, что осталось от синего мяча.

С тех пор к вещам она не привязывалась.

Сейчас, когда ей исполнилось тридцать, Марьяне иногда казалось, будто внутри нее кричит от боли желтый кот. И ничем, ничем ему не поможешь.

По дороге домой Марьяну одолела хандра. Уже не радовал ни солнечный день, ни заработанные четыреста рублей, которые финансовой погоды совершенно не делали. Да, она сейчас найдет еще какую-то подработку в сети и заработает пятьсот, шестьсот, семьсот рублей... Капля камень точит,

это верно. Папа часто повторял. Но перед Антоновым долгом эта поговорка тушется и пасует. Больно велик.

Антон, как и полагается по классике, был маминым любимчиком – младшим, балованным и ничем перед нею не виноватым, в отличие от Марьяны. Вина Марьяны была связана с ее рождением, положившим конец маминой певческой карьере. А Антон ничем мамину жизнь не подпортил, поэтому всегда был в приоритете.

Кроме того случая с мячом, который Марьяна помнила, но давно относилась философски, Антон пакостей ей особых не делал и младшим братом был довольно сносным. Клей в шампунь не наливал, усы во сне фломастером не пририсовывал, наоборот, охотно участвовал в затеваемых сестрой приключениях. Когда подросток, читал вместе с нею книжки вслух и сражался на веточках-шпагах. Веточки давно остались в прошлом, а хорошие отношения никуда не делись.

Просто дети выросли разными. Марьяна к своей жизни относилась ответственно, старалась подстелить соломку, распланировать настоящее и позаботиться о будущем. Что, кстати, сыграло ей на руку: неизвестно, в какой финансовой яме они бы всей семьей сейчас находились, если бы не Марьянины запасы. Мама иногда называла ее хомячихой; Марьяна это слово терпеть не могла, но маме возражать бесполезно. Да, и правда, у нее имелись запасы. Раньше. Теперь подушка безопасности истончилась, из нее во все стороны торчат перья и нитки. Надо срочно залатать, но как, если

брат попал в неприятности?

Мама об этом, конечно, не знала. Тревожить ее не решился бы ни один из детей. Около года назад Антон без предупреждения приехал домой к Марьяне в ее выходной, и по виду брата та поняла, что всё плохо. В таких случаях говорят: «Главное, что здоров», – и еще: «Спасибо, боженька, что взял деньгами». Марьяна была агностиком и не знала, кто в итоге эти деньги взял, потому что тип по имени Червонец на боженьку никак не походил. Скорее, на пакостливого черта, нашептывающего гадости на ухо.

Антон был творческим человеком. Мама отдала его в музыкальную школу, как и Марьяну, но, в отличие от дочери, способностей не обнаружившей (еще одна монетка в копилку родительских разочарований), Антон обладал идеальным слухом. Он окончил школу по классу пианино, параллельно выучился на гитару, потом самостоятельно освоил бас. А вот голосом брат обладал приятным, но не выдающимся. К тому времени, как Антон был готов становиться звездой, мамины связи в мире шоу-бизнеса утратили актуальность, да и сам бизнес изменился до неузнаваемости. Поэтому брат решил пробиваться самостоятельно. Он познакомился с группой, чей музыкальный стиль был ему близок, вписался туда в качестве гитариста и начал жить богемной жизнью. В институт Антон не пошел (зачем, если впереди карьера на сцене?), завел себе стайку поклонниц и был всем доволен.

Так продолжалось несколько лет, а потом Антон обнару-

жил, что карьера его за это время не сдвинулась ни на миллиметр. Группа, в которой он первоначально состоял, распалась, он перешел в другую, где можно было не только играть, но и петь. «Динамическая свекла» – так называлось сие музыкальное объединение – выступала в клубах, иногда в маленьких залах при отелях, но в принципе была не очень востребована, так как исполняла не попсу, а иронические композиции в роковой полировке. На корпоративы участников группы не приглашали, ибо – неформат, широкая публика их не знала, а для раскрутки и нормальной записи альбома не хватало денег.

В деньги-то они и уперлись. Посоветовавшись с солистом Вадиком, длинноволосым любителем блондинок, Антон принял решение где-нибудь занять. Попытался у Марьяны, но та решительно отказала. Кредит, естественно, ни один банк не дал. И тогда Антон вспомнил про своего одноклассника Витьку Червонцева по прозвищу Червонец, у которого деньжата водились в старших классах очень хорошие. Остальное было делом техники...

Антон и компания подсчитали, какая сумма нужна для того, чтобы поехать в гастрольный тур и записать альбом на приличной студии. Вышло больше миллиона рублей. Червонец хмыкнул, но согласился достать деньги, так как водил дружбу с хищными рыбами неизмеримо большего размера, для которых миллион – раз плюнуть. Получив на руки деньги и выдав Червонцу расписку, ребята едва не ошалели от

радости. Всем сказали, что деньгами их ссудил неизвестный меценат (мамы, сестры и жены не одобрили бы Червонца и его приятелей), спланировали тур, записали альбом, съездили по городам и весям и...

И ничего. Билеты на гастролях продавались плохо, грамотно вложиться в пиар «Динамическая свекла» не сумела. К тому же денег казалось так много, что музыканты тратили их бездумно. Тот парень, что считался у них менеджером, ничего на самом деле в этом не понимал. Поэтому в Москву группа вернулась не то что без заработка, а поиздержавшись. Альбом «не выстрелил», именитые продюсеры по-прежнему воротили нос. А Червонец звонил Антону и ласковым голосом напоминал, что процентики-то капаят, надо бы отдавать...

Антон, запаниковав, пришел к сестре и всё выложил. Марьяна пришла в ужас. Она костерила брата на чем свет стоит, но исправить ситуацию это уже не могло. Тогда Антон впервые заикнулся о том, что сестра могла бы продать квартиру и тем самым его спасти. Марьяна даже помыслить об этом не желала. Квартира у нее появилась благодаря папе, который хотел, чтобы та была именно у дочери. Как тогда мама бесилась! Но условия завещания оспорить было невозможно. И Марьяна ни за что не переехала бы обратно на Водный. Тем более что там Фелька не сможет нормально существовать — мама не любит кошек.

Марьяна взяла еще одну подработку, чтобы помочь Анто-

ну выплачивать долг. Брат сдуру оформил расписку только на себя, поэтому и тряс Червонец именно его, а остальные музыканты почти не давали денег. «Ты занимал, ты и отдавай». На этой почве Антон с ними разругался, и «Динамическая свекла» торжественно его выставила, оставив с огромным долгом и без поддержки.

Сейчас Антон играл по клубам, где на вечер требовался гитарист или пианист, исполняющий всё, что закажут зрители, платили за это немного, но всё же платили. И долг медленно уменьшался, слишком медленно – из-за растущих процентов. И вот Червонец говорит, что нужно побыстрее всё возвращать. Как? Марьяна не знала.

Но одно она знала точно: сейчас она приедет домой, обнимет Фельку, и жизнь станет чуточку лучше.

Кошка, как обычно, встречала Марьяну, сидя на тумбочке. Не помыв рук, не сняв пальто и ботинок, Марьяна подхватила Фельку на руки, обняла и зарыдала. Сказывались напряжение и усталость прошедших недель, а разговор с Антоном стал вишенкой на торте. Еще же и мама...

Фелька была кошкой понятливой. Вот уже полтора года, как этот пушистый антидепрессант помогал Марьяне держаться. И если бы ее дома не встречала кошка, Марьяна, наверное, свихнулась бы.

– Ты ж моя пушистая, – всхлипывала она Фельке между ушей, – ты ж мой талисманчик! Вот почему иногда жизнь

такая гадостная? Как я устала, Фель, как я устала...

Выплакавшись, Марьяна отпустила кошку, которая тут же принялась вылизываться, вытерла слезы, которыми горю не поможешь, переоделась в домашнее и заварила себе чай. Следовало поразмыслить, что делать дальше.

Первым делом Марьяна написала в соцсетях всем знакомым, которые потенциально могли бы помочь с работой, – не завалилось ли у них местечко, где исполнительный работник мог бы принести пользу? Потом прошерстила два своих любимых сайта, но, к сожалению, актуальные и денежные задания были разобраны, а для многих (например, нарисовать лендинговую страницу) у Марьяны не хватало знаний и умений. Посмотрела доски объявлений: официантки, менеджеры по продажам, промоутеры... Много денег там не поднимешь.

Марьяна по образованию была социологом – когда получила диплом, всё нравилось, а когда выпустилась, поняла, что по специальности работать совсем не хочется. Потому и трудилась сейчас администратором в антикафе, потому и бралась за разные возможности, пытаясь нащупать истинно свое. И нащупала недавно, но... Как и везде, требовался стартовый капитал. Которого у Марьяны не было.

Ладно, не стоит сейчас думать об этом. Надо думать, где заработать. Замкнутый круг.

Фелька устроилась рядом, обернула лапы хвостом и задумчиво смотрела в монитор. Когда была мелкой, часто ло-

вила курсор когтями, а потом остепенилась. Марьяне нравилось, что кошка не отходит от нее далеко. Фелька словно излучала тепло.

Она была трехцветной. Кошка счастья – так их зовут. На Фельке рыжие и черные пятна располагались неравномерно: уши – черные, на носу рыжее пятно и подбородок рыжий, а дальше – россыпь мелких черных пятнышек. Словно веснушки. Интересный окрас, приправленный яркими голубыми глазами. Какие предки намешались в родословной уличной подборанки, оставалось только гадать.

Глава 4

Поняв, что ей нужна моральная поддержка, Марьяна написала в «WhatsApp» Ленке: «Не спишь еще? Может, скайп?» Подруга ответила буквально через несколько секунд: «Давай. Как раз Аню уложила».

Трехмесячная дочка Лены и так не особо мешала скайп-сеансам, но тут подруга отвлекаться на нее не будет.

– Привет. – Появившаяся на экране компьютера Лена поставила перед собой чашку с чаем и радионяню. Вид у молодой матери был поразительно бодрый. – Ты как мысли читаешь. Я думала тебе позвонить сегодня.

В Новосибирске был уже вечер, а к Москве только подкрадывались сумерки. Марьяна поправила веб-камеру над монитором и кивнула:

– А я думала, как жаль, что не изобрели телепорт. Я бы к тебе сейчас с удовольствием метнулась.

– Или я к тебе. Чувствую себя сырьевым придатком. Грудное вскармливание – скорее бы оно закончилось! – вздохнула Лена. – Ну что, Марьяш? Как ты там? Как... мама?

Лена Седова была единственной закадычной подругой Марьяны еще со школы. Только вот год назад вышла замуж и уехала в Новосибирск.

– Поближе найти никого не могла? – ворчала Марьяна, хотя на самом деле была за подругу очень рада. И даже выступ-

пала свидетельницей на ее свадьбе с Михаилом – немногословным, приземистым, кругленьким и очень-очень добрым.

Теперь оставалось созваниваться по скайпу и переписываться в мессенджерах. Слава технологиям.

– Мама – по-прежнему. Да и что там изменится... Хорошо, что лекарства есть. – Марьяна постучала пальцами по столу. Фелька встала, потянулась и запрыгнула на спинку компьютерного кресла.

– О, мировая кошь! – обрадовалась Лена, Фельку обожавшая. – Погладь ее от меня.

– Непременно.

– Что-то ты дохлая, – пристально разглядывая подругу, заявила Ленка. – Или это скайп тебя так плохо транслирует?

– Нужен совет. Или мозговой штурм. Или и то, и другое.

– Излагай. – Лена решительно отхлебнула чаю.

От подруги у Марьяны тайн не было. Лена знала всё – и о маме, и об Антоне, и о Павле, которого вообще не стоит вспоминать. Поэтому изложение событий много времени не заняло.

– Продать квартиру – это он сильно, – сказала Лена, когда Марьяна закончила говорить. Даже плохое изображение в скайпе не могло скрыть, насколько подруга злится. – А он не хочет продать что-нибудь свое, например? Чтобы осознать: за свои проступки нужно отвечать самому.

– Ну вот он такой. Не понимает.

– А должен бы! – Лена к Антону всегда относилась с по-

дозрением. – Он здоровый лоб, Марька, он – мужик! Он должен решать ваши семейные проблемы, а не ты. Кто у вас официально глава семьи?

– Официально – мама, – криво усмехнулась Марьяна.

– А по факту – ты, – рубанула Ленка. – И что? Нравится тебе роль ломовой лошади?

– Честно говоря, не очень. Но что делать? Это мои родные, какие есть, и я их люблю. Мама так вообще ни в чем не виновата.

– Угу. – Ленка задумчиво потерела нижнюю губу. – Мы с тобой это сто раз уже проговаривали, не буду повторяться. Всё равно толку нет. И-го-го! – она ткнула пальцем в экран, то есть в Марьяну. – Ладно. Мозговой штурм, говоришь... Тебе нужна хорошая работа или выигрыш в лотерею.

– Лотерея – это было бы прекрасно. Только с моим везением...

– Вот не надо про везение Бога гневить, Марьяша, – серьезно сказала Лена. – Ты жива, здорова, в своей квартире, на двух ногах, не пьешь, не болеешь, не сидишь на наркоте, даже работа есть. И кошка. Дальше перечислять счастливые моменты твоей жизни?

– Спасибо, нет. Я осознала.

– Молодец. Но о выигрыше – я это серьезно. Предположим, лотерея – не вариант. А если конкурс какой-нибудь? Ты когда-нибудь выигрывала конкурсы?

– В школе было, помнишь? – хихикнула Марьяна. – Кон-

курс выразительного чтения.

– Вот! Значит, у тебя есть позитивный опыт. А в Интернете полно сайтов со списками разных конкурсов. Ты посмотри, может, какой-то тебе подойдет?

– Ты думаешь, у меня есть реальные шансы выиграть что-то, кроме почетной грамоты? – скептически спросила Марьяна. – Там серьезные люди сидят. Если конкурс стихотворений – то настоящие поэты, если фотографий – то настоящие фотографы.

– Ну вот, давай себя не принижай! – возмутилась Ленка. – У тебя отличные снимки!

– Может быть. Но у тех, кто выигрывает, обычно техника за много тысяч рублей, которая дает глубину, четкость и фактуру. А не мое старье.

– А кто мне рассказывал, что снимать можно даже на тапочку, главное – идея?

– Ну... да. Но конкурсы...

– Марьяна, – серьезно произнесла Ленка, – тебя по голове ударили? В чем дело? Почему я рассказываю тебе о возможностях, а ты мне возражаешь, как будто не хочешь ничем заниматься? Ты мне позвонила мозговой штурм устраивать или желаешь, чтобы я послужила жилеткой? Ты четче ставь задачу. Я – жилетка? Тогда бедненькая ты, несчастненькая, что ж тебе делать! Поплачем! А если я – подруга, с которой можно посоветоваться в трудные времена, так начинай думать.

Одна из вещей, за которые Марьяна обожала Ленку, – это умение говорить правду в глаза по запросу и видеть суть вещей. словно взглянув на себя со стороны, Марьяна порази-лась: а ведь и правда, почему у нее в голове сплошное «но»? Почему хотя бы не собрать информацию о том, что предло-жила Лена?

– Извини. – Марьяна потерла лоб. – Что-то я и правда... Это разговор с Антоном меня с толку сбил. Конкурсы – хо-рошая идея, тем более что их и правда миллион.

– И не только российских, заметим. У тебя же англий-ский хороший, поищи международные конкурсы. Иностран-цы, бывает, на призы еще более щедры. А вдруг выиграешь! Налоги какие-то придется заплатить, но это подспорье.

– Да. Спасибо, Лен.

– О'кей, с этим разобрались. Обсудим другие идеи...

Час спустя, выключив скайп и отправившись ставить чай-ник, Марьяна пребывала в гораздо более оптимистичном на-строении.

Да, нужно много денег, но... это всего лишь деньги, за которые можно купить здоровье и спокойствие своей семьи. А если получится заработать больше, чем обычно, то можно будет позволить себе маленький отпуск. Дешевую горящую путевку, например. Марьяна сто лет не отдыхала и подозре-вала, что ее организм одобрил бы перерыв в трудовой дея-тельности.

Пока же предстояло сделать эту трудовую деятельность

еще более насыщенной. Налив себе чаю и взяв для подкрепления блюдечко с имбирными цукатами, Марьяна снова устроилась перед компьютером и начала серфинг по Всемирной сети.

Сайты со списками конкурсов отыскились легко. У Марьяны едва в глазах не зарябило – чего тут только не было! Отдельно – конкурсы для детей, конкурсы дизайна и рисунка, песни и пляски... то есть музыки, отдельно – по профессиям, гранты, стажировки, олимпиады... Оказывается, была масса мест, где можно побороться за звание лучшего, не вставая с дивана. Ну, почти.

– Конкурс социальной рекламы в сфере интеллектуальной собственности, – читала Марьяна названия внимательно слушавшей Фельке. – Конкурс творческих работ «Идеи Д.С. Лихачева и современность». Конкурс на лучшую пьесу по мотивам сказок Габдуллы Тукая... Кто такая – или такой? – Габдулла Тукай?!

Почитав условия конкурса, Марьяна выяснила, что Габдулла Тукай – татарский поэт, торжественно оповестила об этом Фельку и, немного переживая, открыла самую интересную для себя вкладку. Фотоконкурсы. Длиннющий список – тут тебе и российские, и международные премии.

– Каравай, каравай, кого хочешь – выбирай! – пробормотала Марьяна, внимательно вчитываясь.

Лена настаивала, чтобы подруга начала именно с этого. С того, что вот уже несколько лет приносило Марьяне чистую,

незамутненную радость (и ни копейки денег, но тут Марьяна от своего хобби многого не ждала). Фотография – причем не просто фотография, а макро.

Одним мерзким весенним днем лет пять назад, когда с неба лило, под сапогами хрустел подтаявший ледок, а люди спешили поскорее скрыться в метро, чтобы хоть там немножечко согреться, Марьяна сидела в кафе. На душе у нее было пакостно, потому что тогда только закончилась история с Павлом, началась с мамой... впрочем, ладно, это совсем не нужно вспоминать. Девушке срочно требовалась инъекция кофе и тортика в организм. Марьяна ковыряла ложечкой «наполеон», отхлебывала американо и листала Инстаграм.

Ей хотелось чего-то красивого, что отвлечло бы от повседневной жизни и увело туда, где царит истинная гармония, и она ввела тэг *#красивыефотографии*, выдававший, как в рекламе, «неизменно превосходный результат». Марьяна смотрела на закаты, раскинувшиеся над южными морями, на милых ёжиков в вязаных шапочках, на изумительные цветы и вдохновляющие портреты. А потом она увидела нечто – и застыла, вглядываясь, как будто не веря, что такое вообще бывает.

Это была капля. Просто капля, лежавшая на темной поверхности, – то ли пенек, то ли ветка. В капле отражалось перевернутое голубое небо, листья дерева, а еще что-то голубое, изогнутое, словно всплеск. Или душа. Душа дождевой капли – вот как подумала об этом Марьяна.

Под фотографией стоял тэг *#macroworld*¹. Марьяна нажала на него... и пропала.

Оказалось, люди снимают мелкие объекты в большом увеличении. Капли, внутренности цветка, края листиков, крылья насекомых... Было множество сообществ, в подавляющем большинстве – иностранных, где составлялись подборки изумительных макрофотографий. Марьяна смотрела на деловитых божьих коровок, улиток, путешествующих по мху, капли на лепестках и бутоны, настолько хрупкие, что о них подумать было жалко, не то что прикоснуться... Смотрела, и весь реальный мир, существовавший вокруг нее, с недоделанной весной, незадавшейся личной жизнью и непонятными перспективами в будущем – отодвигался на задний план.

Несколько месяцев Марьяна смотрела, смотрела, изучала, читала... К ее удивлению, оказалось, что в России направление макрофотографии почти не развито. Да, появлялись отдельные мастера, создававшие мини-серии очень хороших снимков, однако всерьез никто этим не интересовался. Дикая природа – пожалуйста, этого в стране завались. Репортажные фотографии? Да легко, чуть ли не каждые выходные где-нибудь какой-нибудь митинг. Портреты и свадьбы? Казалось, что фотограф в стране – каждый третий. А вот красивое макро снимали в основном за рубежом.

Марьяна не сразу пришла к ощущению, что ей нравится

¹ #макромир (англ.).

не только рассматривать такие снимки, но, пожалуй, понравилось бы их делать. Она почитала о том, как такое осуществить, и приуныла. На всех форумах, где тусовались фотографы, о макрофотографии писали или коротко, или никак. Недлинные инструкции сводились к следующему: покупай отличную технику за много денег, не пожалей десятки тысяч на специальные объективы и насадки для них, и тогда, если тебе повезет, что-то у тебя и получится.

Много денег у Марьяны не было. И крутого фотоаппарата не имелось. Был старенький Canon 550D да завалился где-то папин объектив «Гелиос», еще советский, заслуженный и полностью исправный. Когда-то Марьяна купила кольцо-переходник для него, и «Гелиос» служил ей верой и правдой. Но сгодится ли он для макросъемки? По всему выходило, что нет. Да и так красиво, как у тех инстаграмных фотографов, у нее всё равно не получится...

Прошло почти два года, прежде чем Марьяна решилась попробовать. Она сходила на рынок и купила с рук очень старый макрообъектив, который тем не менее свою функцию выполнял исправно. А еще за триста рублей нашла специальные насадки на объектив фотокамеры в смартфоне, которые тоже могли обеспечить макросъемку. И началось...

Марьяна ползала на коленках за божьими коровками. Она ловила лягушек и умоляла их посидеть спокойно хоть минутку, чтобы она могла настроиться и сделать фотографию мечты. Лягушки почему-то позировать не желали, и Марья-

на недоумевала, как у иностранных фотографов это получается – заставить земноводное сидеть спокойно? Чучела они набивают, что ли? А из божьих коровок – из них тоже?..

Потом Марьяна сообразила притащить насекомых домой. На широком подоконнике фотографировать стало легче. Для черного фона девушка взяла обычную пластиковую тарелку, а для подсветки – фонарик. Передвигая все это туда-сюда по миллиметру, гоняя божью коровку по листочку, Марьяна пыталась добиться того, что рисовало ей воображение. Красивого, волшебного снимка, на котором есть история – открытий, любви, путешествий... То самое, что когда-то нашептывал и обещал ей синий мяч.

Понемногу у нее начало получаться, и Марьяна даже рискнула показать пару снимков Лене. Подруга пришла в восторг и потребовала еще. Марьяна делала еще. Сама она видела, как далеки ее работы от совершенства, и никуда их не выставляла.

А потом у нее появилась Фелька, и Марьяна стала фотографировать кошку. И целиком, и в деталях.

Оказалось, что это очень здорово. Что у Фельки смешной розовый нос, вокруг которого воинственно торчат усы, хотя кошка отличается характером ласковым и даже воробьев жалеет. Что переливы света на черной, белой и рыжей шерсти кардинально отличаются по цвету и фактуре. Что если сфотографировать крупным планом розовую пятку, можно умиляться до вечера, а наутро поумиляться еще.

В этом году весной, когда Фелька уже окончательно подросла и из нескладного кошачьего подростка превратилась в гибкую красавицу, Марьяна купила шлейку и решила вынести любимицу на травку. Дома огораживали большой двор с березами, траву тут тщательно подстригали, как знаменитые английские лужайки, а свет был не в пример лучше, чем в квартире. И пятки среди маргариток оказались особенно дивными. А когда на эту пятку Марьяна посадила майского жука и успела заснять, прежде чем Фелька возмутилась, получилось и вовсе замечательно.

Всё это до недавнего времени было просто хобби. Но сейчас Ленка высказала здравую мысль: почему бы не попробовать выиграть какой-нибудь конкурс? И даже если приз не получить – все равно засветиться. Подруга обещала помочь Марьяне создать тематический Инстаграм, правильно расставить тэги и продвигать его. «Пора выходить из сумрака».

– Может, и пора, – пробормотала Марьяна, разглядывая огромный список конкурсов, требующий тщательного изучения. – Как думаешь, Фелька?

Кошка, как раз вылизывавшая фотогеничную пятку, не ответила. Но Марьяна знала: Фелька готова к любым свершениям.

Глава 5

Антикафе, в котором работала администратором Марьяна, называлось «Совы и котики», и там не было ни тех, ни других.

Располагалось оно исключительно удачно – в двух шагах от метро «Новокузнецкая». Несколько лет назад владелице удалось купить это помещение у разорившегося хозяина за сущие копейки – именно купить, а не арендовать, что чертовски важно, когда у тебя свой бизнес! Екатерина Васильевна быстро оценила обстановку, поняла, что поблизости нет уютного местечка для коворкинга и посиделок, и из множества форматов выбрала именно антикафе. За первый час посетители платили сто пятьдесят рублей, а за всё время после – два рубля в минуту.

Хозяйке бизнес нравился, может, поэтому он процветал, а сотрудники и посетители ходили сюда с удовольствием. Живых сов и котиков тут не имелось (заполучить разрешение на их содержание и выдержать кучу санитарных проверок – тот еще квест), но они имелись в оформлении, выдержанном в теплых тонах. Помещение было громадным, около двухсот квадратов, и его разбили на комнаты. Была тут библиотека, множество пуфиков и удобных стульев, столы круглые и прямоугольные... Можно устроить презентацию, совещание, отпраздновать день рождения или подать заявку на выставку

картин. Посетителям бесплатно предлагались печенье, чай и кофе хороших сортов. А художница, хорошая знакомая Екатерины Васильевны, расписала часть стен, и вот там котики и совы присутствовали повсеместно.

Марьяна устроилась сюда практически сразу после открытия – она как раз подыскивала хорошую работу, на которую можно ходить с удовольствием и куда возьмут даже несостоявшегося социолога. До этого Марьяна вводила данные в таблички одной фирме – ничего сложного, но скучно ужасно. Екатерина Васильевна сразу после собеседования взяла Марьяну администратором и не пожалела. Девушка умела договариваться даже с самыми ворчливыми посетителями, даже с теми, кому всё было «дорого» и «не так». А подобные встречи случались частенько. При таком-то потоке людей...

Антикафе открывалось в десять и работало до одиннадцати вечера, администраторы трудились сменами. Иногда Марьяна оставалась допоздна, а иногда, как вот сегодня, приехала в половине десятого, чтобы всё проверить, подготовить и заварить кофе. Помощница, студентка Анечка, подрабатывавшая тут по полдня, подбежала к двери одновременно с Марьяной.

– Привет! – Анечка просто лучилась жизнерадостностью – солнечный зайчик, концентрация позитива, как на фото с ведром котят. – Какая погода сегодня хорошая, да?

– Привет. Да, отличная.

В воскресенье, когда Марьяна ездила убираться к маме

(покупку сапог решили отложить на следующие выходные – как раз зарплату выдадут), шел нудный мелкий дождь. А утро понедельника радовало румяным небом и температурой плюс пятнадцать. Хорошо же!

– Мы в субботу с друзьями в Коломну съездили, – поделилась впечатлениями Аня. – Там так здорово! Листья на деревьях еще почти не желтые, и будто лето.

– Лето прошло, – вздохнула Марьяна, вешая пальто на крючок у двери и разуваясь. В антикафе везде был ковролин, посетителям предлагалась сменная обувь или же ее можно было принести с собой.

– Ну-у, если оно закончилось в Москве, то внутри может не заканчиваться никогда!

– Это статус из «ВКонтакте»?

– Ага, – бесхитростно созналась Анечка. Марьяна засмеялась.

Екатерина Васильевна умела подбирать людей – неподходящие тут не задерживались. Два других администратора, Леша и Карина, тоже работали тут практически с открытия.

Быстро пробежавшись по комнатам и убедившись, что Леша оставил вчера чистоту и порядок, Марьяна устроилась за стойкой администратора, а Аня, пообещавшая заварить кофе на себя и коллегу, ушла на кухню. Понедельник, сегодня будет много бумажной работы, и воду для кулера должны привезти...

Рядом возникла чашка, из которой умопомрачительно

пахло, и Марьяна кивнула:

– Спасибо.

– Слушай, – заговорила Анечка, – а помнишь, ты мне на телефоне фотки показывала своей кошки? Которые ты сама делаешь?

– Ну... показывала, наверное.

– А не хочешь у нас в выставочной комнате устроить, собственно, выставку?

Марьяна удивленно подняла голову от бумаг.

– Откуда у тебя такая мысль?

– Это не у меня. – Анечка смешно сморщила нос. – Это у Екатерины Васильевны. Она заезжала вчера и вдруг начала нас с Лешей спрашивать, не увлекаемся ли мы чем-нибудь таким. А то, говорит, посторонних художников и фотографов мы рекламируем, а своих-то! Ну, мы с Лешей не подходим, я не творческая совсем, а ему сноуборд выставять как-то странно. И тут я про тебя вспомнила. И Екатерине Васильевне сказала. Она с тобой поговорит.

– Аня! – простонала Марьяна.

– А что? – пошла в наступление напарница. – Фотки же классные! И тематика наша – котики! Чем плохо?

– Ничем. Извини, ты права.

Марьяна еще не отошла от выходных – сначала Антон с его новостями, потом воскресная поездка к маме, особой радости не добавившая. Радость доставляло то, что мама чувствует себя неплохо, но сели за подсчет денег на лекарства

и... Со вчерашнего вечера Марьяна вновь размышляла, как украсть миллион. Сайты с конкурсами она по-прежнему изучала, однако эта идея уже не казалась такой хорошей. Что она там выиграет? Почетную грамоту разве что.

– Если Екатерина Васильевна захочет, тогда и обсудим. Спасибо, Аня!

– Да всегда пожалуйста! Было бы здорово такую выставку устроить. У тебя красивая кошка, и снимаешь ты классно... Я пошла пылесосить.

«Мне бы твою уверенность», – подумала Марьяна, провожая взглядом беззаботную помощницу.

Иногда Марьяна чувствовала себя легкой, как перышко, а иногда (и в последнее время – всё чаще) – будто придавленной гранитной плитой. Вроде и лопатка в руках есть, и пытаешься выкопаться, а потом обнаруживаешь, что не лопатка у тебя, а чайная ложка. Мечты так и остаются мечтами, хотя ты делаешь всё, что от тебя зависит, чтобы их осуществить. Идешь до предела своих возможностей и – ничего. Небольшие успехи, тут подзаработала денег, там удалось что-то ухватить...

Ей тридцать лет. И если всё и дальше пойдет так, не особо меняясь, то через десять лет она будет всё там же – с работой, средств от которой хватает только на жизнь себе и близким, неосуществленными мечтами и сорока... ну ладно, как минимум одной кошкой. Можно сказать, что так живут множество людей. История, типичная до зубного скрежета.

«У тебя есть шанс что-то изменить в этом унылом механизме, – сказал Марьяне внутренний голос. – Может, особого таланта у тебя и нет, но имеется хотя бы любимое дело, которое тебе нравится и в котором ты научилась немного разбираться. Представь, что ты не умела бы ничего такого – фотографировать, писать, рисовать, не обладала бы ничем, что могло выбить тебя из заезженной колеи. А ты обладаешь. Так почему ты мнешься и мучаешь себя сомнениями, когда у тебя есть реальный шанс что-то поменять к лучшему? Ведь ты ничего не теряешь, кроме времени на заполнение заявки в конкурсе, например. Лена права. Хватит ныть».

Марьяна отхлебнула кофе и решительно взялась за бумаги. Сначала работа, а вечером – конкурсы и поиск новых возможностей.

Телефон зазвонил в середине рабочего дня. Марьяна трудилась как проклятая: сегодня было как-то особенно много посетителей. В комнате для праздников проходил детский день рождения, там бесилась малышня и слышались бодрые возгласы аниматоров. В библиотеке чинно сидели с книжками читатели, на кухне весело переговаривались студенты, пришедшие в антикафе обсуждать курсовой проект. Трое серьезных мужчин при ноутбуках и галстуках заняли круглый стол в синем зале, обложились бумагами и вели совещание, время от времени с кем-то созваниваясь по скайпу. Жизнь кипела.

Увидев на экране имя звонившего – Антон, – Марьяна подавила желание не отвечать. Звонит – значит, жив, а приятных новостей от брата она сто лет не слышала. Вдруг в этот раз? Оптимизм не пропьешь.

– Да, Антош? Только быстро, я на работе, и у меня завал.

– Марьянка, я быстро! – голос брата был веселым. – Слушай, тут такое дело. Мы говорили про более денежную работу, и я ее тебе нашел!

– Звучит прекрасно, – язвительно сказала добрая сестра, – а себе?

– И себе ищу, не сомневайся. Но на эту именно девушка нужна!

– Только не говори, что устроил меня в стриптиз-клуб, – понизив голос и отвернувшись от бизнесменов, проговорила Марьяна. – Я плохо танцую.

– Не-ет, – засмеялся Антон, – всё прилично! Даже очень! Помнишь Ивана Райковского? Ну, сына дяди Эдуарда и тети Светы.

– Да, – сказала Марьяна после паузы, – помню.

– Ну вот. Я на него в Фейсбуке подписан. И увидел у него геолокацию, что он в Москве. Написал ему. Слово за слово... В общем, ему нужна то ли уборщица, то ли домработница, и он готов заплатить чуть ли не вдвое больше, чем тебе в твоём кафе платят. И с тобой готов поговорить. Сказал, чтобы я тебя спросил, не против ли ты, и тогда он позвонит. Я сказал, что не против, но он настаивал тебя спросить.

– Он же в Штатах живет.

– Постоянно – да. А сейчас у него в Москве какие-то дела. Если б у тебя был Фейсбук, ты и сама бы знала.

– Я как-то его делами не особо интересуюсь. Антон, ты, конечно, впереди паровоза побежал. У Ивана работа наверняка временная, а тут – постоянная. И потом...

– И потом – суп с котом! – перебил ее братец. – С тебя убудет поговорить? Марьян, ну пожалуйста. Ну он же хорошие деньги платит, и маме лекарств купим, и мои проблемы решим... хоть часть. А?

Марьяна молчала. Связываться с Иваном – себе дороже, но какие еще варианты? Надеяться, что подвернется мифическая работа мечты, где заплатят сто миллионов? Угу, конечно.

– Мне нужно поговорить с начальницей, – сдалась Марьяна. – Если я пойду разговаривать с Иваном, ни о чем ее не предупредив, это будет подло. Так что давай я сначала с ней побеседую, а потом тебе перезвоню. Договорились?

– Ладно. Только не затягивай. Если он при деньгах – а он при деньгах! – то наверняка может по-быстрому обратиться в агентство, и ему там кого-нибудь в два счета подберут. Марьян, на тебя вся надежда.

– Да, – буркнула девушка, выключая телефон, – как всегда.

Появившуюся в антикафе через час начальницу Марьяна

решительно утащила в ее кабинет и закрыла дверь.

– Екатерина Васильевна, поговорить надо.

– Что-то случилось, Марьяна? – нахмурилась та.

– В общем, да. Я ищу подработки постоянно, у меня мама болеет, а лечение очень дорогое. – На работе Марьяна о своих семейных проблемах не упоминала никогда, так что для Екатерины Васильевны это всё было новостью. – И мне, возможно, сейчас предложат что-то временное, на несколько месяцев, но с довольно большим окладом. Я пока не знаю всех подробностей. Это старый знакомый, и мы пока с ним даже ничего не обсуждали, я сначала решила с вами поговорить... Не хочется вас подводить...

– Давай я обрисую ситуацию, – перебила ее Екатерина Васильевна. – Тебе надо заработать побольше, ты и меня оставлять не хочешь, и беспокоишься, что я кого-то на твоё место найму?

– Да, – с облегчением кивнула Марьяна, в очередной раз поблагодарив мироздание, что начальница ей досталась исключительно понимающая.

– Не скажу, что меня радует эта новость. Но беспокойство твоё беспочвенно. В жизни всякие ситуации случаются, а хороших работников пойдёшь поищи. – Екатерина Васильевна задумалась. – Можем сделать так. Возьмешь отпуск за свой счет на то время, что тебе понадобится для этой денежной подработки. Я пока на твоё место возьму временно-го администратора. Ну, или посоветуемся и поделим твои

обязанности и часы между Лешей, Мариной и Аней. Ты мне скажешь, когда возвращаешься, или предупредишь, что вернуться не сможешь. Так будет честно, как считаешь?

– Это очень удобно, Екатерина Васильевна. Спасибо вам большое!

– Это тебе спасибо, что ценишь свою работу, – улыбнулась начальница. – Мама... серьезно болеет?

– Довольно-таки.

– Ладно, – не стала спрашивать подробности Екатерина Васильевна. – Тогда еще один вопрос к тебе. Аня вчера проболталась, что ты фотографировать умеешь и свою кошку наснимала красиво. Предлагала тебя в участницы нашей следующей фотовыставки. Покажешь свои работы?

– Ой, да что там... – немного смутилась Марьяна. – Просто фотографирую кошку. Сейчас...

Она достала телефон, нашла папку со снимками Фельки и протянула аппарат начальнице. Та задумчиво пролистала снимки и подняла взгляд на Марьяну.

– Серьезно? Сама?

Та кивнула.

– У меня фотоаппарат старый, я из него выжимаю, что могу.

– Неплохо выжимаешь. Распечатай десять самых, на твой взгляд, удачных, и повесим на стены.

– Ой... ладно. Спасибо.

– И... удачи, Марьяна. Пусть мама выздоровеет, и всё бу-

дет хорошо.

«Удача – это мне пригодится», – подумала Марьяна, выходя из начальничьего кабинета. Особенно с Иваном Райковским.

Глава 6

Иван перезвонил практически сразу после того, как Марьяна сообщила Антону, что согласна рассмотреть его предложение. Голос в трубке казался смутно знакомым, как будто доносился из давних беззаботных времен, когда каждый день светит солнце и все вокруг, включая тебя, невероятно счастливы. А может, так оно и было...

– Марьяна, здравствуй. Антон мне дал твой номер.

– Да. Привет...

Что ему сказать, Марьяна не знала. В последний раз они с Иваном виделись много лет назад, жизнь развела их кардинально и надолго. И что бы там ни было раньше, теперь это былем поросло. Оба изменились, и Марьяна понятия не имеет, кто этот человек, чей смутно знакомый голос в телефонной трубке она сейчас слушает, и что ему сказать.

Но всё оказалось легко – Иван говорил сам.

– Антон сказал мне, что тебе нужна временная подработка. А так удачно совпало, что она у меня есть, и я бы предпочел человека знакомого и надежного. И тут Антон мне пишет. Я подумал, это знак судьбы. Ты не против встретиться?

– Не против, я предупредила начальницу.

– Тогда я предлагаю не тянуть кота за хвост. Во сколько ты освобождаешься сегодня?

– В пять. – Марьяна взглянула на настенные часы – они

показывали половину четвертого. Мимо пронесся трехлетний орущий гном, за ним – ошалевший аниматор.

– Ты где работаешь?

– На «Новокузнецкой».

– Не против доехать до «Красных ворот» и встретиться в «Якитории»? Она там сразу у метро.

Марьяна внутренне расслабилась. Она опасалась, что Иван назначит встречу в пафосном месте – там за «Якиторией» белый, как лебедь, ресторан «Лермонтов», например. А куда ей в «Лермонтов» в ботах...

– Конечно.

– Давай в шесть? Я займу столик.

Ивана Райковского Марьяна знала, сколько себя помнила. Во всяком случае, так было раньше.

Эдуард и Светлана Райковские дружили с родителями Марьяны и Антона. Это были папины знакомые, не мамины, не имевшие никакого отношения к миру музыки и потому вызывавшие у мамы легкое отторжение. Она всегда была с ними вежлива, но нейтральна. А вот папа с дядей Эдуардом были закадычными друзьями, часто ездили вместе на рыбалку и до хрипоты спорили о научных вопросах.

Маленькая Марьяна у Райковских бывать очень любила. У них была большая старая квартира, похожая на их собственную, только более просторная и вместо старых шкафов и сервизов набитая книгами и всякими странными штуками, которые тетя Света и дядя Эдуард привозили из командиро-

вок. Они были учеными, причем учеными, которых выпускали за рубеж – видимо, в советские времена в орнитологах и биологах, обменивающихся опытом с иностранными коллегами, не видели ничего опасного. Райковские бывали даже в Африке, о чем свидетельствовали страшные маски и засушенная экзотическая тыква, про которую Иван говорил, что это голова пигмея. Лет до десяти Марьяна ему даже верила.

Иван был старше ее всего на год, но иногда казалось – на все пять. Он много читал и был жутко умный и при этом – не занудный. Будучи студенткой, Марьяна как-то повстречалась пару месяцев с молодым научным сотрудником, работавшим в подмосковном НИИ, и с изумлением выяснила, что не все ученые головы так интересны. Иван даже сложные вещи рассказывал своей подружке так, что она слушала, раскрыв рот. Когда родители купили ему первый компьютер, Иван с головой ушел в программирование, увлекшее его раз и навсегда, и высшее образование получал тоже по этому направлению.

Потом между Райковскими и Ковалевыми что-то произошло – Марьяна так и не узнала, что именно, но общаться они стали гораздо меньше. И Иван, ставший студентом, как-то отстранился, стал реже звонить и на Марьянины звонки отвечал не слишком охотно. Позже у него появилась девушка, и Марьяна отступила. Зачем навязываться человеку, который тебя не хочет видеть? Ну и что, что она была в него щенячи влюблена лет с тринадцати? Влюбленность со време-

нем истончилась, знакомство стало детским воспоминанием, и Марьяна заставила себя больше об Иване не думать. Хотя в детстве и юности казалось: такая дружба не может просто исчезнуть. Видимо, может.

От Антона Марьяна знала, что Иван уехал в Америку, что, кажется, женился там, а может, просто себе кого-то завел – американскую красотку вроде Камерон Диас, с озорной улыбкой и платиновыми волосами. Марьяна не следила за жизнью Ивана. Знала только, что родителей его уже нет в живых, как и папы. Они умерли лет десять назад, еще до папиной смерти, оба с разницей в полгода – инфаркт у дяди Эдуарда, рак у тети Светы... Марьяна помнила, как папа переживал, хотя к тому времени мало общался со своими старыми друзьями. Кажется, после того Иван в Америку и уехал.

Уже несколько лет Марьяна ничего о нем не слышала и даже почти забыла, что в ее жизни существовал когда-то такой Иван Райковский. И вот он звонит, разговаривает смутно знакомым бархатным голосом и предлагает работу, которая может Марьяне помочь.

Судьба – шутница.

Метро по случаю окончания рабочего дня было набито битком. Марьяна вырвалась из вагона и с облегчением поднялась на улицу. К вечеру небо снова нахмурилось, набухло, готовясь разразиться слезами; порывистый ветер гонял

по асфальту отобранные у деревьев листья. Хотелось завернуться в плед, сварить какао и не вылезать из кресла. Марьяна быстро добежала до «Якитории» и потянула на себя дверь.

«Как я его узнаю?»

Оказалось – без труда. Иван выбрал столик недалеко от входа так, что Марьяна его сразу увидела. Он наблюдал за входящими, встал, помахав ей, когда она вошла. А когда девушка приблизилась, без лишних церемоний сгреб в охапку, как бывало раньше, и тут же отпустил.

– Привет. Я очень рад тебя видеть.

Он вроде бы и не сильно изменился внешне, но был совсем другим. Российские парни так не выглядят. Одежда обычная – джинсы, футболка, толстовка, – но кажется, будто это все только что сняли со стенда в дорогом магазине. Классная стрижка, кожа чистая, и улыбка стопроцентно американская – ровные белые зубы. А еще Марьяна отметила то, чего не услышала по телефону: еле заметный акцент.

– Я тоже рада тебя видеть, Иван.

Он терпеть не мог, когда его называли Ваней, только родителям это позволял, а остальным – никогда.

– Или как тебя теперь зовут? Айвен?

– Американцы – да, – кивнул он. – А наши как звали Иваном, так и зовут. Но если хочешь, чтобы я для тебя стал Айвеном, запросто.

– Нет, я по старинке.

– Хорошо. Ты голодная? Я есть хочу, как зверь. Давай закажем самый громадный сет роллов? Я угощаю.

Сев за стол, Марьяна открыла меню, увидела самый огромный сет, ощутила, как рот наполняется слюной, и кивнула.

Пока официант принимал заказ, девушка молчала и только заказала себе еще свежесжатый сок: кофе, выпиваемый на работе литрами, разве что из ушей не лился к концу дня. А когда заказ был сделан, поинтересовалась у Ивана:

– Значит, ты в Россию вернулся?

– Ненадолго. – Он откинулся на спинку диванчика и расслабленно положил руки на стол. – У меня здесь контракт на четыре месяца, к Новому году должны закончить. Если постараемся, может, и раньше, тогда домой – на Рождество. На то Рождество, что перед Новым годом, а не после.

– Значит, домой – это теперь туда, – улыбнулась Марьяна. Она думала, что увидит Ивана, и всколыхнется былое, или же какие-то чувства непрошенные накатят... Но нет. Перед ней сидел человек, к которому она когда-то очень хорошо относилась, человек, определенно добившийся успеха. И Марьяна ощущала, что рада за него. Просто рада. – Со всем прижился?

– Там работа, дом... Можно сказать, что и прижился.

– Как ты туда попал вообще?

Иван откровенно удивился.

– А ты разве не знаешь?

– Ну... Мы с тобой почти не общались к тому времени, как ты уехал. Год, по-моему, не созванивались. Мне Антон сказал, что ты в Америке, но без подробностей.

В последний раз Марьяна звонила Ивану, когда умерла тетя Света. Хотела приехать, но постеснялась и просто позвонила. Выразила соболезнования, Иван сухо поблагодарил и положил трубку.

– А, да... наверное. – Он поморщился. – Я то время плохо помню. Ты же знаешь – сначала папа умер, потом мама сгорела за полгода... Я в таком шоке пребывал, что несколько месяцев из памяти вообще будто выветрились. Ходил, ел, дышал, а зачем – не понимал. Потом немного оклемался и думаю: надо обстановку сменить. Я тогда последний курс заканчивал, ну и решил – чем черт не шутит, подамся на грин-карту! Кое-какие программы я уже продавал, в одной фирмочке работал, но в Штатах для программистов условия все же лучше. Заполнил заявку и – выиграл! С первого раза! Люди годами пытаются, а мне вот так повезло.

– Повезло, – согласилась Марьяна, глядя на него во все глаза. Ее грело изумительное чувство чего-то родного. Иван ничем не показывал, что помнит о каких-то обстоятельствах, которые развели их семьи, и разговаривал так, как раньше, когда они с Марьяной были лучшими друзьями.

– Ну вот. Дальше был квест «собери документы и докажи Америке, что ты ей нужен». На собеседования пришлось ходить, спрашивают там: зачем вам в США? А я честно отве-

чаю: родители умерли, особо ничего меня тут не держит, а у вас, сами понимаете, возможностей много. Они посмеялись и одобрили мне въезд. — Иван прищурился, вспоминая. — Я квартиру продал и уехал.

— Продал? Я думала, ты ее сдаешь.

— Нет, Марьян. Не смог бы я ее сдавать со всем содержанием и жить бы в ней не смог никогда. Вывез на склад всё имущество, законсервировал, а квартиру продал.

— Не жалеешь?

— И тогда не жалел, и сейчас — нет.

Иван таким был всегда. Уж если решил, не передумает.

— И прямо сразу уехал?

— А чего было ждать? — он пожал плечами. — Университет я окончил, мог претендовать на какую-либо работу в США. Я еще из России начал рассылать резюме. Взяли меня в одну фирмочку в Калифорнии. Приехал я туда из нашего невнятного августа, а там — лето, океан, хорошо! Снял квартирку небольшую, начал работать, приживаться...

— А если бы не прижился?

— Значит, стал бы искать место, где мне хорошо. Всё просто.

— Да, — эхом повторила Марьяна, — всё просто.

— Потом снова рассылал резюме, перешел в другую компанию, а затем меня пригласили в офис «Гугл» в Сан-Диего. И взяли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.